

Генеральная линия Юлии Рутберг

Беседовала Юлия Галочкина
Фото Юлия Максимова

Конечно, отправляясь на творческий вечер Юлии Рутберг «Кабаре «Бродячая собака», я ожидала чего-то особенного. Прежде всего потому, что Юлия – совершенно особенная актриса. Она неповторимая, уникальная, и это факт неоспоримый. Во-вторых, камерная атмосфера театра «Самарская площадь» обещала превратить этот моносpektакль практически в личную беседу Юлии Рутберг с каждым зрителем, когда ты можешь увидеть и прочувствовать каждое движение души актрисы. Так и случилось. Юлия говорила, пела о важном для себя лично, но каждое её слово находило отклик в душах зрителей, которые понимали и принимали всё, что она хотела донести до них. Почувствовала ли актриса это единение с залом? Это мы смогли узнать в беседе, которая состоялась после спектакля.

ЛК Юлия, перед спектаклем вы сказали, что от вас самой и от нас, зрителей, зависит, какого цвета он получится. Так какого цвета получился сегодняшний спектакль?

Ю.Р. По ощущениям мне кажется, что он начинался с тёмно-синего, а потом – в лазурь такую пошёл...

ЛК В какой момент вы эту лазурь почувствовали?

Ю.Р. Начиная с Окуджавы. Уже на Пушкине даже! А когда начался Вертинский и Ахматова, то уже такая морская лазурь пошла...

ЛК Может быть потому, что когда был Вертинский и Ахматова, мы, зрители, сидели в слезах и с комом в горле?

Ю.Р. Тишина была такая прекрасная! Я благодарна зрителю за неё. Очень уважительно отношусь к публике, очень люблю публику, не приемлю той формулировки, что публика – дура. Либо артист плохо играет, либо стечение

Я отвечаю за то, что делаю. Мои спектакли – непричёсанные, неангажированные. Они пропитаны мной, моими мыслями, моими эмоциями.

обстоятельств, либо плохой спектакль, либо режиссёр не прав. У публики есть интуитивное эмоциональное поле. И если ты попадаешь в это эмоциональное поле, то человек потом придёт, прочтёт и заинтересуется. Самая главная привилегия театра – это его эмоциональное воздействие.

ЛК Во время спектакля у меня создалось ощущение – чем вы восхищаетесь, что любите, оно всё из прошлого, из воспоминаний. А есть что-то, что сегодня вас радует и восхищает?

Ю.Р. Да-да-да, меня радует достаточно многое! Меня радует наш театр имени Вахтангова, в репертуаре Арт-кафе которого, кстати сказать, я играю «Кабаре «Бродячая собака». Наш театр стал мировым бестселлером. Мы не только по городам и весям нашей страны ездим с невероятным количеством гастролей. Мы объезжаем весь мир: восьмой раз в Америку, пятый раз во Францию; Лондон, Мексика, Афины, где в амфитеатре было четырнадцать тысяч зрителей... Меня очень радует, что ещё один мой моно-

Я очень благодарна, что публика подчинилась течению моей мысли, которая подтверждалась стихами. Прекрасный был зал! Возникла совершенно определённая вольтова дуга, которая нас объединила.

спектакль «Вся эта суета», – он идёт два с половиной часа, – мы сыграли его одиннадцать раз в Америке. Одиннадцать! Можете себе представить, что это такое? Чтобы понимать, что происходит в мире, совершенно не обязательно смотреть телевизор. Более обязательно ездить и видеть всё своими глазами. Когда случились

Чтобы понимать, что происходит в мире, совершенно не обязательно смотреть телевизор. Более обязательно ездить и видеть всё своими глазами.

известные события на Украине, я была там и всё видела сама. Побывала дважды в Крыму и знаю, как люди счастливы возвращению в Россию. Со многими я разговаривала. Также было и в Америке. На любую политическую проблему есть однозначный взгляд у политиков и совершенно неоднозначный взгляд у людей. Пропасть между политиками и людьми возрастает. Политические игры, стратегии и житие простых смертных – это две большие разницы. Артисты сегодня становятся полномочными представителями державы! Я же не зря говорила со сцены о том, что Вертинский прославлял русскую культуру. Он был мощнейшей фигурой в эмиграции. И для него это была абсолютная потребность, так же, как для Набокова, который, будучи мировым писателем, в равной степени писал на русском и на английском, и оказал невероятную услугу интеллигентному англоговорящему населению всего мира своим переводом «Евгения Онегина».

Сегодня все прежде всего спрашивают о сумме прописью, потому что весьма трудно жить. Но помимо суммы прописью существует ещё градус той работы, в которой ты принимаешь участие – сопричастность, твой личный вклад в дело, которым занимаешься.

рящему населению всего мира своим переводом «Евгения Онегина».

ЛК Вы много ездите по стране и миру, многое видите. Какой он – ваш взгляд на мир?

Ю.Р. У меня свой, позитивный взгляд на мир. Я с удовольствием дарю его родным и близким, друзьям и зрителям. Где бы я ни выходила на сцену, для меня важно, что я позиционирую, что экстраполирую на людей. Я отвечаю за то, что делаю. Мои спектакли – непричёсанные, неангажированные. Они пропитаны мной, моими мыслями, моими эмоциями. Зритель подпадает под моё эмоциональное поле. Не настаиваю на своей правоте, но мысли, которые я транслирую и которые закладываю, – мне хочется, что-

бы люди их услышали и приняли. Я и компания «Студия телевизионного кино» посвятили эти гастроли в Самаре памяти моего отца, сотрудничавшего с театром «Самарская площадь». Прекрасно, что в Самаре помнят Илью Рутберга. Замечательно, что эти люди готовы вместе со мной воплощать в жизнь по-настоящему творческие проекты! Мне нравится юмор. Важно, чтобы зрители ещё и думали на спектаклях. Сегодня люди плакали в зале, но, собственно говоря, это же Вертинский, Ахматова. В чём моя личная исповедь? Я исполняю только те стихи и те песни, которые близки мне. У меня своя человеческая генеральная линия. И с этим выхожу к зрителю, никому не навязываюсь, просто размышляю вместе с публикой.

ЛК Когда вы назвали себя оптимисткой, я немного удивилась, потому что в спектакле вы достаточно грустную картину нарисовали: молодёжь не читает, красивых людей всё меньше, страна деградирует...

Ю.Р. Не страна, мир деградирует, к сожалению. Я много езжу по миру, пытаюсь что-то изменить к лучшему. Начни с себя. И я начала с себя. Сегодня все прежде всего спрашивают о сумме прописью, потому что весьма трудно жить. Но помимо суммы прописью существует ещё гра-

У нас вообще в семье не принято хвастаться, принято помогать людям. Это генетическая потребность. Студентам, людям, которых ты видишь в первый раз, у кого сломался каблук, кому холодно, у кого нет еды. В этом я абсолютно дочь своих родителей.

дус той работы, в которой ты принимаешь участие – сопричастность, твой личный вклад в дело, которым занимаешься.

ЛК Во время вашего выступления было трудно аплодировать. После каждого эпизода хотелось думать.

Ю.Р. Совершенно с вами согласна. Есть отзвук. Я очень благодарна, что публика подчинилась течению моей мысли, которая подтверждалась стихами. Прекрасный был зал! Возникла совершенно определённая вольтова дуга, которая нас объединила. Аплодисменты я люблю только в конце. Мне в начале они мешают, сбивают, потому что я ещё ничего не сделала, и это некий аванс. А каким бы ни был титулованным артист, его уровень можно оценить только в финале.

ЛК Кроме театра, сцены, зрителей, что вас радует?

Ю.Р. Это предсказуемый круг: моя семья, мои дети, внуки, друзья, тишина, возможность читать, иногда просто поспать. Вот сейчас я приеду, у меня будет два дня отдыха, я пойду в лес минимум часов на пять.

Не люблю тусовки, бегу их, просто нет сил. Я прихожу только на премьеры к коллегам, причём избирательно. Не люблю участвовать в этой «пене дней», как замечательно написал Борис Виан. «Пена дней» – это совершенно не про меня, мне там не место.

ЛК Не боитесь одна в лесу?

– Нет, не боюсь. В лесу я вхожу в медитативное состояние, я сумасшедший грибник. Дело даже не в грибах, а в общении с природой. Лес – это сказка! Точно так же, летом, когда есть возможность поехать на море, я плаваю часами. Я водный знак, и вода для меня – возможность регенерироваться. Не люблю тусовки, бегу их, просто нет сил. Я прихожу только на премьеры к коллегам, причём избирательно. Не люблю участвовать в этой «пене дней», как замечательно написал Борис Виан. «Пена дней» – это совершенно не про меня, мне там не место.

ЛК А что бы вы каждому из нас посоветовали, чтобы мир стал добрей, светлей, лучше?

Ю.Р. Просто надо научиться радоваться мелочам. Люди всё время стремятся к какому-то глобальному счастью, ждут глобальных успехов. А мне кажется, что невероятное большущее счастье складывается из мелочей. И я уже давно себя программирую на то, что у меня каждое путешествие – наисчастливейшее. Радуюсь людям, которых я люблю, неожиданным встречам, как, например, сегодня, когда здесь папина энергия. Папа никогда в жизни не рассказывал о своих благородных поступках. Я только сегодня узнала, что папа здесь взял за руку людей и повёл в министерство культуры, чтобы помочь придать статус театру. У нас вообще в семье не принято хвастаться, принято помогать людям. Это генетическая потребность. Студентам, людям, которых ты видишь в первый раз, у кого сломался каблук, кому холодно, у кого нет еды. В этом я абсолютно дочь своих родителей. Сегодня так бурно обсуждают санкции, и что пропали продукты в магазине... Ребята, окститесь! Меня, например, санкциями с точки зрения провианта взять невозможно. Я всю жизнь жила в семье, где мы годами жили в долг, но при этом мама пекла феноменальные пироги, и все приходили к нам в гости. А в театральном училище мы репетировали с пакетом молока и буханкой хлеба. И хватало на всех! Хватало и на книги, и на портвейн. Правда, я портвейн терпеть не могу. Когда сейчас нам санкциями пытаются угрожать с точки зрения желудка – это история не про меня. Чем мне можно угрожать? Лишить возможности быть человеком мира. Вот это уже серьёзнейшая угроза.